

Кардозу, Фалетто, Марини, Бамбирра в оптике «Сравнительного исследования национальных обществ»: существенные аспекты

Cardoso and Faletto, and Marini, Bambirra through The Comparative Study of National Societies: Substantive Aspects

Cardoso y Faletto, y Marini, Bambirra a través de *El estudio comparado de las sociedades nacionales*: aspectos sustantivos¹

Луис Гарридо Сото

Независимый исследователь, магистр Университета штат Нью-Йорк-Бингхэмтон

Luis Garrido Soto

investigador independiente, MA SUNY-Binghamton (2018),

luisgarridosoto1986@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2347-0614>

Аннотация: Данный текст является второй и заключительной частью статьи, опубликованной в предыдущем номере (№ 42) журнала и посвящен попытке анализа интеллектуальной истории одновременного возникновения теории зависимости

¹ Данный текст является продолжением статьи «Размышляя над связями: одновременность и расхождение между теорией зависимости и мир-системным анализом», опубликованной в №42 «Латиноамериканского исторического альманаха».

и мир-системного анализа. Обе части составляют единое целое. Цель этого продолжения - углубить аргументацию в пользу того, что миросистемная перспектива не является просто американской производной от теории зависимости. Если первая часть была посвящена «формальным» аспектам в плане теоретических свойств и фокальных единиц, используемых теоретиками зависимости в их соответствующих теоретических/исторических анализах при анализе через методологический подход Хопкинса и Валлерстайна, то вторая часть посвящена расхождениям в «содержательных» аспектах между двумя перспективами. Последние касаются, во-первых, перехода от сравнительного изучения национальных обществ к исследованию глобальных тотальностей вместе с эпистемологическими, методологическими и эмпирическими проблемами. Во-вторых, в качестве метатеоретического вопроса критикуется степень, в которой теория зависимости действительно выходит за рамки «методологического национализма», или же она является лишь исследованием (неудавшейся) национализации обществ на периферии мир-системы, а также политического значения, которое это влечет за собой. В конце текста приводится краткий обзор обеих частей и рассматривается ранняя критика аналитического текста Хопкинса и Валлерстайна, которая ознаменовала собой дальнейшее развитие анализа «многонациональных исследований» в направлении мир-системной перспективы.

Ключевые слова: теория зависимости, мир-системный анализ, эпистемологические, теоретические и методологические расхождения, содержательные аспекты.

Abstract: This text is the second and final part of the article published in the previous issue (No. 42) of *Almanaque Histórico Latinoamericano* on an attempt of intellectual history on the simultaneous origin between dependency theory and world-systems analysis. Both parts should be read together. The aim of this sequel is precisely to deepen the argument as to why the world-systems perspective is not a mere American -or “gringo”- derivative of dependency theory. If the first part focused on the “formal” aspects in terms of the theoretical properties and focal units

used by the dependency theorists in their respective theoretical/historical analyses when analyzed through the methodological lenses of Hopkins and Wallerstein, this second part will delve into the divergent “substantive” aspects between the two perspectives. The latter concerns, first, the move from the comparative study of national societies to the study of global totalities along with the epistemological, methodological and empirical problems this entails. Secondly, as a metatheoretical question, to criticize to what extent dependency theory really overflows or surpasses “methodological nationalism” or whether it would only consist of a study of the (failed) nationalization of societies in the peripheries of the world-system together with the political significance that this entails. The text concludes with a brief review of both parts and considers an early critique of the analytical text of Hopkins and Wallerstein which marked the further development of the latter's analysis of “multinational studies” in the direction of the world-system perspective.

Keywords: Dependency theory; world-systems analysis; epistemological, theoretical, and methodological divergences; substantive aspects.

Resumen: Este texto es la segunda parte y final del artículo publicado en el número anterior (N° 42) de *Almanaque Histórico Latinoamericano* sobre un intento de historia intelectual sobre el origen simultáneo entre la teoría de la dependencia y el análisis de sistemas-mundo. Ambas partes deben leerse en conjunto. El objetivo de esta continuación es precisamente profundizar la argumentación de por qué la perspectiva del sistema-mundo no es un mero derivado estadounidense —o “gringo”— de la teoría de la dependencia. Si la primera parte estuvo centrada en los aspectos “formales” en términos de las propiedades teóricas y de las unidades focales utilizadas por los dependentistas en sus respectivos análisis teóricos/históricos al analizarlos a través de los lentes metodológicos de Hopkins y Wallerstein; esta segunda parte profundizará en los aspectos “sustantivos” divergentes entre ambas perspectivas. Esto último concierne, primero, al paso desde el estudio comparativo de las sociedades nacionales al estudio de totalidades globales junto con los problemas epistemológicos, me-

todológicos y empíricos que esto entraña. En segundo lugar, como cuestión metateórica criticar hasta qué punto la teoría de la dependencia realmente desborda o supera el “nacionalismo metodológico” o si solo consistiría en un estudio de la nacionalización (fallida) de las sociedades en las periferias del sistema-mundo junto con el significado político que ello conlleva. El texto concluye con un breve repaso de ambas partes y considerando una crítica temprana al texto analítico de Hopkins y Wallerstein la cual marcó el ulterior desarrollo del análisis de estos últimos, acerca de los “estudios plurinacionales”, en la dirección de la perspectiva del sistema-mundo.

Palabras claves: Teoría de la dependencia; análisis de sistemas-mundo; divergencias epistemológicas, teóricas, y metodológicas; aspectos sustantivos.

DOI: 10.32608/2305-8773-2024-43-1-96-132

Дата публикации: 03.09.2024

Дата получения: 09.06.2024

Ссылка для цитирования:

Гарридо Сото Л. Кардосу и Фалетто, Марини, Бамбирра в оптике «Сравнительного исследования национальных обществ»: сущностные аспекты // Латиноамериканский исторический альманах. 2024. № 43. С. 96-132. DOI: 10.32608/2305-8773-2024-43-1-96-132.

Здесь мы рассмотрим содержательные аспекты, которые отличают вышеупомянутые мир-системный анализ и теорию зависимости. Во-первых, они различаются в отношении исследовательской работы в поиске информации, которая может быть преобразована в данные для проверки теоретических гипотез или подтверждения эмпирических выводов. Очевидно, что это связано с эпистемологическими проблемами, но особенно поразительным здесь является то, что для Хопкинса и Валлерстайна социальное исследование представляется рабочим процессом, зависящим от очень конкретных условий. В отличие от них,

Кардозу и Фалетто, а также Марини полностью игнорируют проблемы, связанные с исследовательской работой. Во-вторых, теоретико-методологические размышления Хопкинса и Валлерстайна уже приводят к критике самого понятия национального общества, что влечет за собой ряд последствий, которые авторы зависимости не воспринимают, или воспринимают с большим трудом, поскольку для Хопкинса и Валлерстайна национальное общество откровенно недостаточно в качестве теоретической и эмпирической рамки отсчета для изучения сложных процессов социальных изменений. Это станет теоретической и методологической основой того, что в будущем превратится в мир-системный анализ, впервые изложенный еще в 1974 г. в первом томе «Современной миро-системы». Само собой разумеется, что теоретики зависимости не ставят под сомнение понятие национального общества.

Эпистемологические и теоретические вопросы: от сравнения национальных обществ к изучению глобальных тотальностей

Ни Кардозу, ни Фалетто, ни Марини не уделяют этому вопросу никакого внимания. Ведь их больше волнует соответствие между теоретическими концепциями и эмпирическими результатами, чем конкретные проблемы эмпирического исследования зависимостей через национальные единицы, которые являются как институциональной, так и материальной платформой этих исследований. Отправной точкой является ограниченность наблюдательных возможностей отдельных исследователей для понимания таких единиц, поскольку «эти точные совокупности, национальные общества, не поддаются непосредственному наблюдению». Именно поэтому современная социальная наука была создана как «машина» – как институционально, так и технологически – чтобы «объединить тем или иным способом сотни и даже тысячи прямых, хотя и частичных, наблюдений и таким образом получить точное наблюдение на агрегированном, хотя и косвенном уровне». Подводя итог, Хопкинс и Валлерстайн постулируют, что многонациональные исследования предполагают необходимое развитие

производительных сил, применяемых в этой сфере, так что антропологические исследования, основанные на полевой работе это не то же самое, что сравнительное изучение национальных образований, наблюдения за которыми стоят более крупные и сложные объекты². Учитывая огромную сложность национальных обществ, поскольку внутри они представляют собой функционально дифференцированные единицы, а снаружи мультиплицируются, образуя современную карту мира, механизм (современной) социальной науки должен был увеличить свои возможности в области: 1) наблюдения и сбора информации, 2) систематической регистрации данных и 3) массовой обработки этих данных с помощью методов (и программ) как непременно-го условия для их систематического сравнительного изучения³.

Идя немного глубже, Хопкинс и Валлерстайн уже в 1967 г. рассмотрели изменения, которые претерпела социальная наука за последние 25 лет особенно после 1945 г. во время американской гегемонии в мировой системе. Эти изменения были отмечены в растущем сближении, с одной стороны, «теоретических интересов основателей современной социальной науки» и, с другой стороны, «исследовательских процедур и технических навыков современных практиков»⁴. Таким образом, если «теоретический интерес основателей современной социальной науки» был воплощен в теории модернизации, то его методологической стороной стало развитие преимущественно выборочного обследования. Короче говоря, социальная наука после 1945 г. способствовала расширению наблюдательных возможностей исследователей и тщательности самих наблюдений, чтобы иметь возможность сравнительного анализа национальных обществ, хотя и ценой гомогенизации ради систематичности, поскольку она подразумевает не только «сбор сходных типов наблюдений в каждой из исследуемых эмпирических единиц, но и сбор сходных типов наблюдений в каждой из исследуемых эмпирических единиц». Сами по себе важны дизайн исследова-

² Bambirra, 1974. p. 51-52.

³ *Ibíd.*, p. 50-51.

⁴ *Ibíd.*, p. 48.

ния и логические основания для обоснованных выводов, рабочие гипотезы и основания для их проверки и т.д.»⁵.

Учитывая эти соображения, Ф.Э. Кардозу, если бы он прочитал «Сравнительное исследование национальных обществ», вероятно, заявил бы, что это попытка формализовать изучение зависимости в соответствии подходом социальных наук в США с заметным уклоном в количественные методы. В более абстрактных терминах Кардозу утверждает, что предложение Хопкинса и Валлерстайна означало бы разделение «внешнего и внутреннего, которое из диалектического превратилось в структурно-механическую, или в концепцию, в которой каузальные предпосылки связаны с инертными последствиями»⁶. Для Кардозу, с одной стороны, с методологической точки зрения, «при подобном переформулировании зависимости понятия должны быть одномерными и точными, должны ссылаться на четко установленные переменные. С их помощью можно измерить «континуум» от «зависимости» до «независимости» и охарактеризовать различные степени зависимости»⁷. С другой стороны, зависимость лишена агентности, а также историчности, и поэтому «при таком определении понятия зависимости модифицируется «теоретическое поле» ее изучения: вместо диалектического анализа исторических процессов и представления о них как о результате борьбы классов и групп, определяющих свои интересы и ценности в процессе экспансии способа производства, история формализуется, а специфический вклад, который анализ зависимости может внести в методологическом плане (т.е. идея противоречия), исключаются. Двусмысленность, противоречия и более или менее резкие разрывы реального сводятся к «операционным измерениям», которые по определению однозначны, но статичны»⁸. Кардозу, похоже, больше озабочен последствиями существующих теоретических подходов к зависимости, чем эпистемологическими трудностями ее изуче-

⁵ Ibid., p. 48.

⁶ Cardoso, 1977. p. 42.

⁷ Ibid., p. 43.

⁸ Ibid., p. 44.

ния. Если это не убеждает, ознакомьтесь с условиями его критики марксистской теории зависимости⁹.

Для этого автора «внутренний» спор среди депендентистов касался в основном того, какие методологические подходы наиболее релевантны для изучения зависимости в условиях дихотомии «количественного» и «качественного», как если бы они были противоположны друг другу: «Одни говорят: дайте мне точные концепции с четкими измерениями, и мы, проверив их, скажем вам, соответствуют ли предложенным вами гипотезам отношения между переменными, определяемыми вашими теоретическими полями. Другие говорят: мы не заинтересованы

⁹ Смотри следующую критику марксистских теоретиков зависимости (Марини, Бамбирра, Дос Сантос, а также Гундер Франк), которая основана на различных взглядах на зависимость, а не на эпистемологических проблемах. Кардозу, вероятно, поддерживает более «волютаристский» взгляд на теорию зависимости: «Наконец, в этой краткой оценке я также считаю спорными анализы, проведенные до сих пор для классификации „исторических агентов“ социальных трансформаций. Как «стагнационистские» или «субконсумистские» авторы, считающие, что внутренний рынок недостаточен для возникновения зависимой капиталистической экспансии, так и те, кто поддерживает возможность зависимого капиталистического развития в некоторых странах периферии, до сих пор проводили относительно слабый политический анализ. Они повторяли «структурную возможность» революции и обсуждали преодоление зависимости в терминах исторического горизонта, в котором социализм появляется в результате нарастающих и своеобразных кризисов застойного капитализма, или видели наступление «нового варварства», демонстрируя склонность к повторению клише. Те, у кого нет такого видения между идиллическим и катастрофическим (а я отношу себя к ним), сдержанно относятся к политическим альтернативам. В любом случае, что касается первых (катастрофистов), то они проводят «механически-формальный» политический анализ; вторые проявляют добрую волю к «автономному капитализму», который неизвестно как будет реализован (Жагуарибе), или высказывают ожидания относительно социализма, историческое лицо которого не разработано и, возможно, не существует в реальности». *Ibid.*, pp. 50-51.

в определении однозначных понятий. Нас интересует выявление противоречий и отношений, подразумевающих, что одно превращается в другое в процессе, который происходит с течением времени и который связывает через борьбу одни классы (или фракции) с другими и противопоставляет их конкурирующим блокам (например, интернационализация так называемой «национальной» буржуазии или превращение «государственных служащих» в «государственную буржуазию», определение поля битвы союзников и противников и так далее) в процессе, который подразумевает изменения не только степени, но и характера»¹⁰.

Кардозу, похоже, не очень понимает, что «какая бы стратегия или метод ни использовались для преодоления ограничений, обусловленных тем, что невозможно представить себе, чтобы какой-либо наблюдатель мог непосредственно наблюдать состояния или характеристики национальных обществ, это подразумевает наличие всевозможных вспомогательных логических и технических трудностей»¹¹. Суть в том, что для Кардозу эпистемологические вопросы кажутся решенными. Немного форсируя вопрос, Кардозу выбирает наблюдение в качестве метода исследования, поскольку оно достаточно для того, чтобы зафиксировать «напряженность между неравными и противоположными интересами, ценностями, присвоением природы и общества»¹².

Трудности не исчерпываются исключительно методологической и эпистемологической спецификой национального общества как единицы изучения социальных изменений по сравнению с другими типами единиц (племенами, докапиталистическими империями, мировыми религиями и т. д.), как это неоднократно подчеркивали Хопкинс и Валлерстайн. Ведь помимо вышесказанного, необходимо учитывать изучения зависимости. Ведь с окончанием прямого европейского правления на большей части Азии и Африки и соответствующим выходом больш-

¹⁰ Ibid., pp. 44-45.

¹¹ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 50.

¹² Cardoso, 1977. p. 45.

шого числа стран из безвестности колониализма перед социологами открылся новый набор случаев, требующих исследования в тот самый момент, когда они начали подвергать сомнению свои предположения о модернизации»¹³. Если конкретное изучение национального общества трудно и сложно, учитывая его географическую обширность и структурную дифференциацию, то сравнительное изучение национальных обществ, особенно рассмотрение их в ситуации зависимости, а также в рамках исторического капитализма, будет гораздо сложнее.

Помимо технических элементов, эмпирические исследования все больше и больше становятся совместной работой, зависящей не только от нескольких исследователей, рассматриваемых индивидуально, но и от университетских, государственных, надгосударственных институтов, а также частных предприятий. Однако здесь следует отметить, что (систематическое) сравнение национальных единиц требует гораздо большего, чем эпистемологическая практика ученых, изучающих зависимость, для которых, казалось бы, достаточно 1) связать национальные экономические условия с глобальными экономическими тенденциями и 2) перейти к работе на местах, чтобы уловить национальную специфику социально-политического конфликта. Хопкинс и Валлерстайн, напротив, утверждают, что понятие «третий мир», или периферию, на глобальной арене гораздо сложнее, чем кажется при рассмотрении постколониальной Африки во второй половине XX в. Первоначальная трудность в этой работе заключается, в частности, в трудном доступе к информации, собранной, обработанной и опубликованной об этих регионах¹⁴.

Какой бы огромной ни была эта информация, она охватывает только то, что происходит внутри каждой страны (занятость, домохозяйства, промышленное производство, сельскохозяйственное производство, рабочая сила, школьное образование и т.д.), но очень мало в плане ее отношений с остальным миром, за исключением, возможно, статистики внешней торговли.

¹³ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 41-42.

¹⁴ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 137-138.

Кардозу настаивает на том, что исследования ведут к «упрощенной редукции, столь распространенной среди коллекционеров „бабочек“, которыми изобилуют социальные науки, классифицируя типы зависимости, способы производства и законы развития»¹⁵. Но это теоретически и методологически ориентировано на формирование геоисторического подхода, при котором «внешнее» или «глобальное» не сводится к среде, оказывающей незначительное влияние на территориально ограниченные объекты.

«Триалектика» фокуса, которая была использована для разрушения национального общества как теоретической единицы в „Сравнительном исследовании национальных обществ“, теперь возвращается, чтобы предложить себя в качестве методологической и теоретической директивы, которая может иметь ряд последствий. Продолжая работать в рамках парадигмы модернизации, Хопкинс в наибольшей степени осознавал эти проблемы, которые, по сути, ведут к отходу от концентрации на национальных обществах или на национальном государстве в качестве релевантных фокуса для изучения долгосрочных социальных изменений: «В настоящее время мы почти всегда ограничиваем переменные наших теоретических систем свойствами какого-то одного общества, такими как уровень его экономического развития, степень политической стабильности, степень социального неравенства. Таким образом, существует своего рода соответствие между геополитическими границами страны, которые отделяют ее от других стран, и границами наших теоретических контуров, которые отделяют переменные внутри теоретической системы от других значимых факторов, которые мы решили оставить в стороне и тем самым поместить в «окружение» системы (которое, по определению, состоит просто из всех причинно значимых факторов рассматриваемого нами явления, которые мы не включаем в систему в качестве переменных). Пожалуй, единственным недостатком этого соответствия является то, что мы иногда систематически учитываем различные реляционные свойства, то есть показатели, вытека-

¹⁵ Cardoso, 1977. p. 51.

ющие из его отношений с другими обществами, такие как степень экономической зависимости. Но если внешние события имеют существенное значение для модернизации, нам придется сделать гораздо больше. В частности, мы должны отказаться от молчаливого предположения, что «границы» наших теоретических систем каким-либо образом соответствуют геополитическим «границам» отдельной страны. Переменные, систематически учитываемые при учете модернизации общества А, должны включать в себя не только свойства этого общества, но и свойства его отношений с другими обществами, самих других обществ и различных сетей, в которых оно существует. Если это будет сделано, то это очень существенно изменит характер современной социологической теории»¹⁶. С этой точки зрения, теория зависимости в ее сепалистской и марксистской версиях является явным проявлением ограниченного «несоблюдения» соответствия, уже объясненного Хопкинсом, между геополитическими границами стран и границами теоретических систем. Иными словами, теория зависимости амбивалентна, поскольку 1) хотя она ставит под сомнение «методологический национализм», включая в себя межсоциетарные (контекстуальные или реляционные) переменные, она ограничена, поскольку 2) ее теоретические системы или обобщающие предложения будут применяться в основном в национальном или региональном пространстве, поскольку «ситуации зависимости» (по Кардозу и Фалетто), «легальность зависимого капитализма» (по Марини) и «зависимые структуры» (по Бамбирра) разнообразны с точки зрения социальных формаций, которые воспринимаются как национальные общества.

Если говорить немного глубже, то использование межсоциетарных свойств имеет относительно ограниченный характер в рамках подхода зависимости. Прежде всего, это наиболее заметно в преимущественно «вертикальном» использовании, когда эти авторы в целом, как бы сильно они ни различались в своих теоретических рамках (и даже критиковали друг друга), переходят от одного географического масштаба к другому, ко-

¹⁶ Hopkins, 1969. p. 132.

гда они конкретно рассматривают «каскадный эффект» глобально-экономических кризисов с точки зрения каждого национального общества. В этой области реляционные свойства будут наиболее тесно связаны с «вертикальным» применением¹⁷.

Во-вторых, межсоциетарные свойства применяются с «горизонтальным» походом, чтобы подчеркнуть постепенные историко-структурные изменения во времени ($t_0, t_1, t_2... t_n$), либо с точки зрения «фазы» или «стадии» развития, в которой находится мировая капиталистическая система в целом, либо, более конкретно, с точки зрения глобального/мирового уровня индустриализации, чтобы привести несколько примеров с целью размещения национальных (зависимых) обществ в таких всеохватывающих тенденциях. В этой области контекстуальные свойства в наибольшей степени связаны с «горизонтальным» использованием межсоциетарных свойств: «Как правило, многие, возможно, большинство используемых в настоящее время «контекстуальных свойств» являются конкретными и в то же время неопределенными. Они исторически и/или географически специфичны. Они теоретически не определены. В научных отчетах можно встретить такие термины, как «страны советского блока», «англо-американское общество», «латиноамериканская нация» или «франкоязычная нация», или «общество атомного века», «страна в бурные военные годы», «государство эпохи возрождения». Контекстуальные свойства, однако, не обязательно должны быть привязаны к континентам, языкам и календарю. Например, ситуация в мире характеризуется как более поляризованная в одни времена, чем в другие. Таким образом, страны можно легко охарактеризовать в соответствии со степенью поляризации мира в то или иное время, и это производное свойство затем может быть каузально связано с другими характеристиками социального уровня (например, уровнем внутренней мобилизации). Например, утверждается, что страна, которая индустриализуется в то время, когда все остальные в основном занимаются сельским хозяйством, находится в совершенно ином положении, чем та, которая индустриализуется, когда ин-

¹⁷ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 73.

дустриализуется треть мира. Подобные заявления можно интерпретировать так, что «уровень индустриализации мира» является важным контекстуальным свойством и что если две страны занимают разные «ранги» по этому уровню (например, мир более индустриализован в одно время, чем в другое), то они, следовательно, будут различаться и в других смыслах, таких как темпы индустриализации, последовательность социального развития или степень демократии во время и после индустриализации»¹⁸.

Даже если Хопкинс и Валлерстайн в 1967 г. не знали о существовании некоторых депендентистов, фактически они все еще работали на периферии теории модернизации, поскольку текстуально использовали этот термин до 1969 г., их исследование позволило нам в целом понять методологическую и аргументационную инфраструктуру сторонников теории зависимости в их исследованиях, объясняющих зависимость, или говоря более конкретно, увидеть проблему соответствия между абстрактной теорией и конкретными фактами латиноамериканской исторической реальности, которая, в общем, была основой критики теории модернизации. Отметим, что критика теории модернизации в книге «Зависимость и развитие в Латинской Америке» помимо воспроизведения перехода от «сообщества» к «обществу», предложенного в XIX в. Фердинандом Тённисом, была фундаментальной, поскольку она, «с одной стороны, указала, что понятия «традиционный» и «современный» недостаточно широки, чтобы охватить все существующие социальные ситуации, а с другой, они не позволяли выделить структурные компоненты, определяющие способ существования анализируемых обществ и показывающие условия их функционирования и постоянства. Не удалось также установить внятную связь между различными экономическими стадиями, например неразвитостью, развитием за счет экспорта или импортозамещения и т. д. и различными типами социальной структуры, предполагаемыми «традиционными» и «современными» обще-

¹⁸ *Ibid.*, pp. 73-74.

ствами»¹⁹. Перед лицом этих ограничений Кардозу и Фалетто просто предложили заменить «экономический» метанарратив «диалектическим», который рассматривал бы социальные изменения как «процесс отношений между группами, силами и социальными классами, посредством которых некоторые из них пытаются навязать свою собственную форму господства обществу в целом»²⁰.

Заслуга Хопкинса и Валлерстайна состоит в том, что, даже не порывая полностью с модернизационным подходом, разрушая эпистемологическую, техническую и институциональную инфраструктуру, лежащую в основе сравнительных исследований национальных обществ, они смогли оценить некоторые эпистемологические, методологические и аргументационные ограничения, которые можно применить и к депендентистскому подходу даже без влияния последнего, поскольку он также имеет национальное общество в качестве фокусной единицы своих теоретических рамок, что подразумевает примат социетарных свойств над межсоциетарными. Только в 1967-1969 гг. Хопкинс и Валлерстайн начали критиковать теорию модернизации за эпистемологический и методологический недостаток в достижении относительно строгих, хотя и частичных наблюдений за глобальными образованиями, большими, чем национальное общество. Вместо того чтобы начать с постановки под сомнение существующих объяснительных теорий социальных изменений как таковых, им было важно начать с прояснения их эпистемологической и методологической сонвы, чтобы построить или обосновать концепции и теории²¹.

Учитывая сугубо эпистемологический, а также методологический характер этой работы, более геоисторические вопросы, которыми занимались ученые, изучающие зависимость, в частности, были скорее предварительными и неконкретными, поскольку геоисторический нарратив Хопкинса и Валлерстайна основан на «напряжении» как процессе глобального масштаба.

¹⁹ Cardoso, Faletto, 2003. p. 12-13.

²⁰ *Ibid.*, p. 13.

²¹ Hopkins, 1969. p. 132.

Этот процесс начинается с возникновения капитализма в Западной Европе с последующей (европейской) экспансией на другие континенты, что приводит к созданию того, что Хопкинс называет «связующими элитами», которые «обеспечивают необходимую структурную связь между центрами и периферией», и впоследствии приводит к встречному движению в процессе деколонизации, благодаря которому «воинствующий национализм почти повсеместно стал революционным по отношению к правительствам стран третьего мира и сепаратистским по отношению к политической экономике Запада»²². Какими бы недостаточными, расплывчатыми или первоначальными ни были эти соображения, очевидно, что подход Хопкинса и Валлерстайна направлен на то, чтобы придать гораздо большее значение «роли контекста в развитии», в отличие от рассмотрения «контекста» как простого межсоциетарного свойства в исследованиях зависимости²³.

На первый взгляд, может показаться очень похожим то, что говорят сторонники теории зависимости о «типах международной сцены», когда теоретики зависимости различают «конкурентный промышленный капитализм» и «монопольный промышленный капитализм». Возможно, это единственное совпадение между ними, не считая использования терминов «центр» и «периферия», потому что в действительности разница заключается в том, что Хопкинс и Валлерстайн не разъясняют «международную обстановку», чтобы затем определить «ситуации зависимости», «законы зависимого капитализма» или «зависимую структуру» для каждой страны или социальной формации. В отличие от этого, «международная сцена» используется Хопкинсом и Валлерстайном 1] для количественного и качественного определения того, в какой степени или в каком объеме национальное общество участвует в какой-либо международной сети/системе, 2] для определения конкретного места любого национального общества в иерархии международной сети/системы; и 3] для определения свойств данной международ-

²² *Ibid.*, p. 133.

²³ *Ibid.*, p. 134.

ной сети/системы. Это не значит, что две перспективы антагонистичны или несовместимы друг с другом. Совсем наоборот. Речь идет лишь о том, чтобы показать, что, хотя у них есть общий подход, они различаются в методологических аспектах.

Метатеоретические вопросы: модернизация, национальное развитие или национализация общества (обществ)?

Важнее описания модернизации – модернизационные тенденции, которые ведут, с одной стороны, к «прогрессирующей централизации политической власти в национальных структурах, в частности к росту национально организованных бюрократических административных структур, и параллельному сокращению объема власти местной автономии», а с другой стороны, к «сокращению возможностей местных агентов контролировать экономическую деятельность и концентрации значительной экономической власти в руках национальных структур и национально организованных групп»²⁴. Хопкинс утверждает: «Модернизация – это прогрессивная организация общества на национальном уровне»²⁵. Обратной стороной таких процессов является формирование определенной геополитической среды, так что «национальное общество всегда существует „внутри“ специфического контекста „сети“ национальных государств»²⁶. Хопкинс и Валлерстайн полностью осознавали противоречие между национально ограниченной организацией общества (обществ) и взаимной зависимостью между ними, но со следующим уточнением, которое существенно отличает их от депендентистов: «Мы отмечаем, что ни одно известное общество не является «полностью» национальным обществом и скорее всего никогда им не станет. Общества исторически различаются по степени своей национальной организации, и это происходит не только из-за противоречия между местным и национальным уровнями организации (ограничимся пока этими двумя), но и

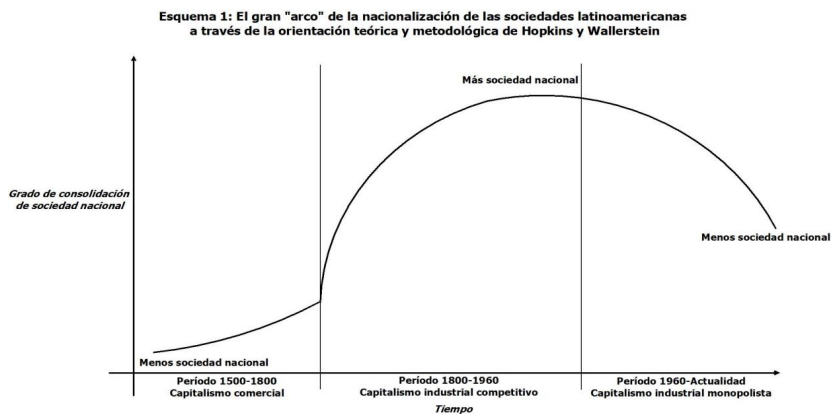
²⁴ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 43.

²⁵ Hopkins, 1969. p. 127.

²⁶ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 45.

из-за противоречия между национальным и наднациональным уровнями организации (независимо от того, являются ли последние обволакивающими или взаимопроникающими). Чем менее национально организовано общество, тем более важны локальные процессы в определении (объяснении) его внутренних событий, и точно так же, чем менее национально оно организовано, тем более его внутренние события определяются (объясняются) через наднациональные процессы»²⁷.

Вслед за Хопкинсом и Валлерстайном можно утверждать, что «Зависимость и развитие в Латинской Америке» и «Диалектика зависимости» предлагают историческую социологию процесса национализации латиноамериканских обществ, которая вкратце представлена на схеме ниже.

Большая «арка» национализации латиноамериканских обществ по методологии и теории Хопкинса и Валлерстайна
The Great “Arch” of Nationalization of Latin American Societies
by Hopkins and Wallerstein Methodology and Theory

Возможно, это говорит о том, что оба направления зависимости приняли некоторые основы теории модернизации, поскольку они показывают степень, в которой эти общества смогли достичь национальной организации, во-первых, с образова-

²⁷ *Ibíd.*, p. 54.

нием автономных центров принятия решений (т.е. образованием независимых государств с соответствующими национальностями), и, во-вторых, с образованием независимых государств с соответствующими политическими системами и впоследствии с формированием как промышленного сектора, так и внутреннего рынка, с помощью которых тенденции капиталистического развития будут интернализированы в каждом национальном обществе (Кардозу и Фалетто) или в латиноамериканском регионе (Марини), а не будут исходить из центральных районов мирового капитализма. Можно возразить, что теоретики зависимости отличаются от теоретиков модернизации тем, что включают в себя классовый конфликт, но ограничиваются «рамками одной страны». Отвергая европоцентристский уклон, теоретики зависимости принимают политическую перспективу теории модернизации, ведь они рассматривают ее как «незавершенный проект». В понимании Хопкина и Валлерстайна, подход зависимости можно интерпретировать как теорию зависимой модернизации.

В чем состоит это процесс в долгосрочной перспективе? Нулевая точка – формирование национальных государств в бывших колониях Испанской империи. В главе IV «Зависимость и развитие в Латинской Америке» отмечается, что «переходный» период – с середины XIX до первой половины XX в. – характеризуется постепенной социально-экономической дифференциацией, породившей средние слои, проходила постепенная эндогенизация организации политического процесса для каждой страны, «не отрицая, конечно, важности глобального экономического кризиса для латиноамериканской экономики, а в политическом плане система „олигархического“ господства начала разрушаться еще до мирового экономического кризиса»²⁸. Далее в главе V показано, как включение средних слоев в схему господства в каждой стране привело к формированию начиная со второй половины XX в. «десарролистских союзов», и, таким образом, по мере изменения роли государства организация ряда экономических процессов стала эндогенизироваться, что-

²⁸ Cardoso, Faletto, 2003. p. 56.

бы обеспечить большую легитимность существующей политической системе: «В этот период проводилась политика «импортзамещения», индустриализация, которая в конечном итоге сводилась к использованию и наращиванию производственной базы предыдущего периода для удовлетворения внутреннего спроса на потребительские и промежуточные товары, особенно в связи с нехваткой иностранной валюты и трудностями с импортом. В ходе этого процесса возросла роль государства и изменился его характер: если на предыдущем этапе государство, выражавшее в основном интересы экспортеров и землевладельцев, выступало в роли посредника в политике финансирования иностранных инвестиций, то теперь именно с помощью государства были приняты необходимые меры по «защите тарифов» рынка, начат процесс перевода доходов из экспортного сектора во внутренний, созданы фундаментальные инфраструктурные ядра для поддержки импортозамещающей индустриализации – металлургических заводов, нефтеперерабатывающих предприятий, электростанций и т. д.»²⁹. В главе VI показаны структурные ограничения эндогенизации национальной организации латиноамериканских юрисдикций по отношению к иностранному капиталу.

Марини, как Кардозу и Фалетто, упоминает, что образование национальных государств в бывших колониях Испанской империи указывает на «отправную точку» этой тенденции, но его взгляд отличается тем, что уточняет, что «экспортная экономика представляет собой переходный этап к подлинной национальной капиталистической экономике, которая формируется только тогда, когда в ней появляется промышленность»³⁰. Марини придает большее значение процессу накопления капитала. Учитывая, что кругооборот капитала в Латинской Америке усечен, поскольку процесс его реализации является экзогенным с одновременной «сверхэксплуатацией рабочей силы» внутри него, Марини утверждает, что его интернализация должна проходить через индустриализацию, а также формирование внутрен-

²⁹ *Ibid.*, p. 104.

³⁰ Marini, 2008. p. 152.

него рынка с определенной структурой спроса – то есть, что было сделано в рамках «классической капиталистической экономики», в центре капитализма, должно быть повторено в Латинской Америке³¹. Не в последнюю очередь тот факт, что Марини придает большее значение отношениям центр-периферия, делает понятным, почему, по его мнению, глобальные экономические кризисы обеспечивают более благоприятную конъюнктуру для отделения от центра капитала.

В изложении Бамбирры «момент независимости» практически не имеет значения в вышеупомянутой траектории национализации латиноамериканского общества (обществ), что по меньшей мере «иронично» по сравнению с Кардозу и Фалетто, с одной стороны, и Марини, с другой. Отправной точкой «*El capitalismo dependiente latinoamericano*» Бамбирры является «вторая промышленная революция» середины XIX в., произошедшая в основном (хотя и не только) в Англии, которая в странах типа А приводила к появлению буржуазии, а затем промышленной буржуазии, «понимаемой как класс, чьи фундаментальные интересы были связаны с проектом развития нации, осуществлявшимся на протяжении целого исторического этапа», в то время как в странах типа В «промышленной буржуазии как класса, то есть как группы владельцев национальных средств промышленного производства, никогда не было»³². Однако помимо этой дифференциации Латинской Америки как зависимого/периферийного региона мирового капитализма, Бамбирра, как и «Зависимость и развитие в Латинской Америке» и «Диалектика зависимости», признавала формирование промышленного сектора и, следовательно, эндогенизацию цикла капитала в качестве неперемennого условия национального капиталистического развития³³.

Начиная со второй половины XX в. транснациональные корпорации привели к дальнейшему «разгосударствлению». Разгосударствление производственного аппарата каждого зависи-

³¹ Ibid., p. 139-140.

³² Vambirra, 1974. p. 64, 78.

³³ Vambirra, 1978. p. 28-29.

мого общества все чаще приводило к несоответствию между национальными интересами (как бы они ни определялись) и интересами иностранных инвесторов: «Решения материнских компаний, которые лишь частично учитывали ситуацию на внутреннем рынке, оказывали значительное влияние на реинвестирование прибыли, полученной в национальной системе. В определенных обстоятельствах компании могут принять решение о преобразовании своей экономической прибыли в капитал, который может быть инвестирован в центральную экономику или в зависимые экономики, вне зависимости, где они создавались»³⁴. С точки зрения экономической политики, проводимой государством, «интернационализация рынка» приведет к «новой оси упорядочения национальной экономики», поскольку «механизмы управления национальной экономикой частично выходят за пределы внутренней сферы, поскольку определенные универсальные нормы функционирования современной производственной системы, навязанные универсальным рынком, не допускают альтернатив: унификация производственных систем ведет к нормативизации рынков и их наднациональному упорядочению»³⁵.

«Диалектика зависимости» указывает, что латиноамериканская индустриализация фактически соответствовала реструктуризации разделения труда³⁶. Этот глобальный процесс также привел к денационализации общества (обществ) в Латинской Америке, что позволяет согласиться с диагнозом Кардосо и Фалетто, но по другим причинам. Вместо того чтобы подчеркивать «интернационализацию внутреннего рынка» в результате иностранной собственности на производственный сектор и «новой оси упорядочивания национальной экономики» с сопутствующей потерей автономии в (правительственной/государственной) экономической политике в каждой периферийной стране, Марини скорее фокусируется на разделении сфер обращения внутри периферии в результате реструктуриза-

³⁴ Cardoso, Faletto, 2003. p. 145-146.

³⁵ *Ibid.*, p. 150.

³⁶ Marini, 2008. p. 144-145.

ции международного разделения труда под гегемонией США, особенно после 1945 г. Таким образом, внутренний рынок снова становился все более узким, что приводит к сверхэксплуатации труда, учитывая «необходимость расширения вовне, то есть повторного поворота, теперь уже из промышленной базы, капитала, чтобы частично сфокусировать обращение на мировом рынке»³⁷.

Несколько отойдя от «плотных описаний» исследователей зависимости, которые подчеркивают различные аспекты одной и той же проблемы, «теоретическая проработка» этих авторов фактически вращалась вокруг следующей интерпретационной схемы, описанной в «Сравнительном исследовании национальных обществ»: «Национальный уровень социальной организации постоянно подвергается двум основным типам разрушительных воздействий, один из которых исходит от субнациональных уровней организации, а другой – от наднациональных. Среди различных локальных уровней или, в более общем смысле, среди субнациональных процессов есть такие, которые постоянно оказывают центробежное давление на общество, которое, если ему не противостоять, в конечном итоге расколется на два или более мелких образований. А среди различных наднациональных процессов есть такие, которые постоянно оказывают инкорпорирующее давление, стремящееся в краткосрочной перспективе уменьшить автономию и независимость национального общества, а в долгосрочной перспективе полностью поглотить его в более крупное целое»³⁸.

Одним словом, теоретики зависимости рассматривают напряженность на национально-наднациональном уровнях как препятствие для формирования национальных обществ в том смысле, что организация их политических, экономических, социальных и даже культурных процессов не обязательно совпадает с их ограниченными юридическими и территориальными рамками. С другой стороны, Хопкинс и Валлерстайн не то чтобы отвергают понятие «национальное развитие» как таковое, но

³⁷ Ibid., p. 148.

³⁸ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 74-75.

считают, что оно должно пониматься исходя из всемирно-исторических условий, в которые вмешивается не только национально-субнациональное, но и национально-наднациональное элементы и отношения. В этом они, конечно, согласны с депендентистами. Однако в отличие от последних, которые полагают, что национально-наднациональное давление будет препятствием для такого процесса, для Хопкинса и Валлерстайна оно скорее относится к порядку контекстуальных переменных глобальных сетей/систем, которые изменяют пределы или, скорее, возможности достижения эффективного «национального развития» в рамках более крупного образования³⁹. Некоторые сторонники зависимости, если бы в то время велись дебаты, раскритиковали бы схему Хопкинса и Валлерстайна как предвзятую точку зрения, отражающую лишь сторону центра по отношению к ситуациям зависимости на периферии.

Конечно, Хопкинс и Валлерстайн согласились бы с таким наблюдением, учитывая периферийную перспективу теоретиков зависимости, но Хопкинс, в частности, вполне осознанно отметил, что «при растущем неравенстве в капиталистическом мире и при прочном положении зависимых элит, играющих свою незаменимую роль в структуре международного капитализма, многие воинствующие националисты считают невозможным для своих стран развиваться в рамках этого мира»⁴⁰. Хопкинс тем самым не только полностью отвергает возможность «национального развития» (капиталистического, в данном случае) на периферии, что вытекало из теории зависимости, но признает, что конкретная траектория развития стран, образующих центр международного капитализма, никогда не соответствовала тому, что нормативно или идеологически предписывалось теорией модернизации, поскольку их собственный процесс модернизации выходил за пределы их территориальных границ. Отсюда сомнения Хопкинса и Валлерстайна в абсолютной национализации общества (обществ) как основы теории модернизации.

³⁹ Hopkins, 1969. p. 132-133.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 133.

Единственными авторами теории зависимости, как в рамках ЭКЛИА (CEPAL), так и в рамках марксизма, которые могли бы согласиться с авторами «Сравнительного исследования национальных обществ», являются Освальдо Сункель и Вания Бамбирра соответственно. Сункель в 1971 г. признал, что создание «транснациональных конгломератов» (или CONTRA) в Латинской Америке «не только ограничивает формирование национального бизнеса, но и национального среднего класса (включая интеллектуальные, научные и технические группы) и даже национального рабочего класса»⁴¹. Вания Бамбирра в книге «Латиноамериканский зависимый капитализм» утверждает, что «утопия автономных национальных капиталистических проектов развития поддерживается мелкой буржуазией лишь постольку, поскольку она не понимает двух типов трудностей. Во-первых, тех, которые возникают в связи с новым международным разделением труда. А затем – тех, которые возникают из-за сопротивления, оказываемого сегодня народным движением»⁴². Невозможность национального капиталистического развития представляется конъюнктурной проблемой послевоенного капитализма, а не структурным условием (как у Хопкинса и Валлерстайна) пространственно-временного наступления капитализма в глобальном масштабе.

Размышления Сункеля пересекаются с размышлениями Хопкинса. Во-первых, для обеих транснациональные корпорации или КОНТРА представляют собой еще один тип экономической системы, выходящей за организационные границы отдельных государств. Возможно, их отличает то, насколько такие экономические организационные структуры обязательно отражают интересы мировой экономики. Сункель склонен думать, что ресурсы (человеческие, природные, капитальные и технологические) концентрируются «технократами из КОНТРА, международных организаций и правительств развитых стран»⁴³. Напротив, соглашаясь с Сункелем в том, что та-

⁴¹ Sunkel, 1971, p. 59.

⁴² Bambirra, 1974, p. 112.

⁴³ Sunkel, 1971, p. 56.

кие институты имеют фактически транснациональный масштаб с разделением труда между планирующей материнской компанией и остальными дочерними компаниями с добывающими, промышленными и маркетинговыми функциями, для Хопкинса важно то, что «политическая экономия нефти не совпадает ни с одной национальной или региональной экономикой и, по сути, является международной сетью сама по себе. Отдельное производственное подразделение в стране третьего мира является скорее частью международного нефтяного комплекса, чем экономики страны, в котором оно расположено»⁴⁴.

Сункель считает, что КОНТРА, будучи выражением транснациональной «индустриальной системы», неизбежно влекут за собой «исчезновение классического предпринимателя, поставщика капитала и рынков капитала, их замену высококвалифицированными менеджерами, составляющими корпоративную техноструктуру»⁴⁵. Для Хопкинса эта смена агентов, способствующих экономической активности и накоплению капитала, лишь проявляет более глубокую проблему в исследованиях развития и модернизации. В теоретическом плане он критикует чрезмерный психологизм в исследованиях предпринимателей в странах третьего мира⁴⁶. Хопкинс утверждает, что «национальная буржуазия» как функция «национального развития» – это, по сути, миф или идеология: «Присоединение к зависимой элите, деятельность в рамках более крупной капиталистической структуры (не пытаясь перестроить и развить национальную экономику) является рациональным поведением для бизнесменов третьего мира. Но ввиду специфики ситуации такое поведение вряд ли будет «предпринимательским» по своим последствиям»⁴⁷.

Наиболее актуальным для Сункеля является дезинтеграция национально сформированных классовых структур, «приводящая к существованию интегрированных и неинтегрированных

⁴⁴ Hopkins, 1969. p. 135.

⁴⁵ Sunkel, 1971. p. 51.

⁴⁶ Hopkins, 1969. p. 136.

⁴⁷ Ibidem.

групп в бизнес-классе, среднем классе и рабочем классе, а также маргинализованных слоев»⁴⁸. По его мнению, такая тенденция так или иначе означает, что эта новая интернационализованная или транснационализованная социальная структура «черпает важную часть своего динамизма из влияния, которое интернационализированный сегмент наших стран получает от стран центра капитализма»⁴⁹. Хопкинс, в свою очередь, не так сильно отличается от Сункеля в отношении общей картины, поскольку он констатирует разделение между большинством населения и верхушкой населения в периферийных/зависимых странах за пределами пространственной полярности сельский/городской. В то время как Санкель опирался на работы Селсу Фуртаду об экспансии американских транснациональных корпораций в Латинской Америке или Кеннета Гэлбрейта о разделении труда в них, Хопкинс, похоже, связывает диагностику этого процесса денационализации классовых структур с теоретическими разработками или эмпирическими анализами Пола Барана и Андре Гундер-Франка соответственно, а не с латиноамериканскими депендентистами⁵⁰.

Если немного углубиться в позицию Бамбирры, она, похоже, признает невозможность автономного национального развития, как и Хопкинс и Валлерстайн⁵¹. Хотя Бамбирра ставит под сомнение понятие «автономного национального капиталистического развития», неясно, в какой степени этот диагноз совпадает с диагнозом Хопкинса и Валлерстайна. Во-первых, помимо их конъюнктурного представления о невозможности такого развития, дело в том, что «независимый» или «классический» капитализм не упоминается, а только «зависимый капитализм». Во-вторых, он представляется скорее как политико-экономический проект зависимой национальной буржуазии, чем как процесс всемирно-исторического масштаба. В-третьих, потому что национальное общество остается теоретическим

⁴⁸ Sunkel, 1971. p. 57.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 58.

⁵⁰ Hopkins, 1969. p. 136.

⁵¹ Bambirra, 1978. p. 17-19.

темным пятном капиталистического развития, когда критикуется «объединение креольской буржуазии с иностранным капиталом» с сопутствующей «денационализацией частной собственности на средства производства», как будто национальная принадлежность средств производства однозначно указывает на непрерывность или конец «проектов автономного национального развития».

Парадоксально, но Кардозу, вероятно, в какой-то степени согласился бы с нашими наблюдениями с опорой на Хопкинса и Валлерстайна в своей критике марксистского течения депендентистов (включая А. Гундер-Франка), утверждая, что ошибка заключается в различии между реальным процессом и идеологическим процессом. «Идеология национально-буржуазного развития» утратила свою функцию, но не местная буржуазия⁵². По утверждению Кардозу латиноамериканская буржуазия, которая относится к «зависимым элитам» в теоретической схеме Хопкинса, никогда не была, по его словам, «инструментом экономического и социального прогресса», поэтому нельзя отрицать капиталистическое развитие как политико-экономическую возможность для Латинской Америки, но проект национально-буржуазного развития никогда не был ее проектом. Хотя Кардозу признает, что статус латиноамериканской буржуазии как миноритарного партнера империализма (субимпериализма для Марини и Бамбирры) была необходимым условием их выживания, и даже «с этими ограничениями национальная буржуазия продолжает играть активную роль в политическом господстве и социальном контроле над низшими классами»⁵³.

Следует отметить, что в «*El capitalismo dependiente latinoamericano*» говорится о конкретных краткосрочных тактиках на мировой арене, таких как «коммерческий обмен с некоторыми капиталистическими странами и с социалистическим блоком», а также о «необходимости помощи со стороны более развитых социалистических стран»⁵⁴. В долгосрочной перспек-

⁵² Cardoso, 1974. p. 10.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Bambirra, 1974. p. 113, 114.

тиве Бамбирра упоминает, что социализм как «международная система», «имея в своем распоряжении все возможные ресурсы», «устранит настоятельную необходимость для каждой страны прилагать параллельные усилия для прохождения всех этапов промышленного развития»⁵⁵. В дальнейшем Бамбирра теоретически признает важность глобальной сцены: «Марксисты должны знать, что классовая борьба внутри угнетенной нации проходит через классовую борьбу на международном уровне и, хотя она происходит конкретно на уровне национальных обществ, что поднимает национальный вопрос, она не изолирована от характера и динамики борьбы между угнетенными и нацией-угнетателем. Поэтому необходимо прояснить путаницу, которая может возникнуть, с одной стороны, из-за изоляции, преимущественного влияния «основного противоречия», классового противоречия, в ущерб противоречию между угнетенными и нацией-угнетателем, и, с другой стороны, из-за недооценки национального фактора, то есть того, как противоречия между антагонистическими классами проявляются на уровне национального общества»⁵⁶. Это уточнение не оставляет места для сомнений. Хотя оно пытается диалектически объединить «внутреннее» - «внешнее» (или «национальное» - «международное»), на самом деле оно склоняется к первому в этом соотношении. «Классовая борьба» ограничивается внутренней-национальной плоскостью, в то время как внешняя-международная» относится к «борьбе между угнетенными и нацией-угнетателем». То, что происходит за пределами страны, следовательно, не относится к классовой борьбе, так что каждая нация имеет свою собственную классовую структуру – борьбу. Борьба между «угнетенными» и «угнетателями» была бы отвлечением или препятствием по отношению к развитию «основного противоречия».

От критики понятия «автономное национально-капиталистическое развитие» она не идет к его логическому завершению с точки зрения революционной политической прак-

⁵⁵ Ibid., p. 114, 115.

⁵⁶ Bambilra, 1978. p. 54.

тики как всемирно-исторического процесса, поскольку, по мнению Бамбирры, «для достижения национального и социального освобождения необходимо ликвидировать основу империалистического господства, зависимый капитализм. Кубинская революция демонстрирует на практике то, что было теоретически очевидно: социализм жизнеспособен и необходим в Латинской Америке»⁵⁷.

Все, что требуется для перехода к социализму в концепции Бамбирры, это изгнать «зависимую элиту» (Хопкинс), олицетворяемую монопольным капиталом (отечественным и иностранным), а также латифундистами, из территориальных границ данной страны. Такое представление о переходе к социализму в условиях зависимого капитализма довольно проблематично, поскольку остается в рамках «социализма в одной стране»⁵⁸. Только объединение различных национальных путей к социализму сформировало бы его как «международную систему» таким образом, что ни 1] возможность совместной политики со стороны пролетариата в мировом масштабе (поскольку она допускается как сотрудничество между независимыми нациями только после начала переходного периода)⁵⁹, ни

⁵⁷ *Ibid.*, p. 19, 23-24.

⁵⁸ Хотя Бамбирра не вдается в конкретику и не оперирует концепцией «социализму в одной стране», сформулированной Сталиным, способ осмысления классового конфликта очень четко подчеркивает его национальный характер: «Ленин всегда был интернационалистом, но это не значит, что он не был русским. И то, что большевики смогли понять специфику русского национального вопроса, стало одним из решающих факторов их победы. Их позиция по национальному вопросу, например, была, по мнению самого Ленина, фактором, имевшим определенное значение для сохранения советской власти. Но сам Ленин, придавая большое значение национальному характеру борьбы, всегда старался вписать ее перспективы в контекст борьбы интернациональной». – *Ibid.*, p. 55.

⁵⁹ В этой схеме только буржуазия может создавать союзы за пределами юрисдикции каждой страны с другими буржуазиями. Это происходит не только в смысле союза между фракцией буржуазии страны А (развитой) и фракцией буржуазии страны Б (слаборазвитой) на дву-

2] что лидеры различных национальных путей к социализму могли сами превратиться в «зависимые элиты» в рамках глобального капитализма.

Размышления Хопкинса носят скорее отрывочный характер и отражают «состояние дел» в отношении процессов деколонизации с середины XX в. нежели явную или альтернативную теоретическую ориентацию по данному вопросу. Эти процессы были направлены на создание новых государств с соответствующими «национальными» обществами, политическими системами и экономиками. Принимая во внимание подобные процессы, Хопкинс четко осознавал, что «многие националисты считают, что развитие может и будет идти быстрыми темпами только тогда, когда существующие элиты будут насильственно отстранены от власти, а существующие связи с капиталистическим миром будут заменены связями с социалистическим миром»⁶⁰. В общем, процесс, который Бамбирра описала для латиноамериканских стран, был также повторен на африканском и азиатском континентах, а именно: 1] изгнание зависимых элит и 2] смена геополитической ориентации из одного лагеря («ка-

сторонней основе, но даже в смысле создания международных организаций, объединяющих на многосторонней основе буржуазию разных стран через их государственные аппараты, таких как Международный валютный фонд. Вместо того чтобы занимать позиции, учитывающие все вышесказанное для пролетариата в рамках (зависимого) капитализма, Бамбирра отстаивает позиции скорее «экономические» на глобальном уровне, поскольку это пространство будет представлять собой лишь мировой рынок, на котором товары распределяются между различными странами, которые мыслится как частные собственники товаров, хотя она и не говорит об этом прямо. По её замыслу в мировом масштабе будет происходить «принципиально иной процесс социалистического воспроизводства, основанный на отношениях обмена и сотрудничества между свободными нациями». Очевидно, что большая или меньшая потребность в помощи со стороны более развитых социалистических стран будет коррелировать с уровнем диверсификации, достигнутым производственными структурами». Bambirra, 1974. p. 114.

⁶⁰ Hopkins, 1969. p. 133.

питалистического») в другой («социалистический»). Только в 1970-е гг., и особенно после публикации в 1974 г. первого тома «Современной мировой системы», этими авторами переход к социализму стал осмысляться как всемирно-системный процесс, выходящий за рамки совокупности последовательных и одновременных отдельных «национальных путей» к социализму.

Сравнительное изучение национальных обществ как метатеория зависимости?

Оба направления теории зависимости, сепалистская и марксистская, считали существование национального общества само собой разумеющимся. Теоретики зависимости, с одной стороны, всегда имели его в виду как единицу фокуса, на которую распространяются как их теоретические гипотезы, так и эмпирические выводы, но, с другой стороны, они никогда не рассматривали его метатеоретически как неявную теоретическую единицу, которая упорядочивает и ограничивает их исследования. С одной стороны, межсоциетарные свойства глобального капитализма действительно являются неперенным условием для определения процесса зависимости. С другой стороны, они быстро исключаются из теоретизирования, поскольку зависимость понималась в лучшем случае как национальная или региональная «ситуация». Но дело не в том, чтобы настаивать на методологическом национализме и регионализме теоретиков зависимости. С точки зрения Хопкинса и Валлерстайна, оба направления зависимости не так уж противоречат теории модернизации. Конечно, теоретически они антагонистичны в том смысле, что историческая траектория латиноамериканского региона не будет повторять евро-американскую историческую траекторию, поскольку отношения центр-периферия подчиняют траекторию одного региона функции другого.

С точки зрения «социальной целостности» теория зависимости исходит из концептуализации «целого», выходящей за рамки простого объединения «частей» (или субъективных) в «глобальность», как это было принято в теории модернизации, то есть в глобальную совокупность, которая равна сумме всех

«национальных экономик» на основе их макроэкономических переменных. С другой стороны, в «Сравнительном исследовании национальных обществ» уже был замечен «новый» тип исследования национального развития, новизна которого заключалась именно в концептуализации как упорядочения стран на развитые и неразвитые⁶¹. Если обратить внимание на тексты исследователей зависимости, они говорят о (национальных) «случаях» в контексте «глобальной сети», так что Роберт Л. Бах прав, когда признает, что «главное различие между подходом „международных исследований“ и модернизационным подходом в основном процедурное: как анализировать части и поддерживать их упорядоченность. Эти две точки зрения не имеют существенных различий в их концепции целого и его отношений с частями»⁶².

Что все это значит? Несмотря на теоретический сдвиг от совокупного целого (в теории модернизации) к упорядоченному или иерархическому целому (в теории зависимости), факт остается фактом: более крупное целое как таковое по-прежнему мыслится как результат взаимодействия между его частями на основе национальных обществ, независимо от того, является ли оно совокупностью или иерархически упорядочено. В теории зависимости более крупное целое никогда не мыслится как нечто иное, чем сумма всех национальных обществ, а также их взаимных взаимодействий, как бы иерархически они ни мыслились в глобальном масштабе как зависимые/периферийные общества. Иными словами, сумма, а также взаимное взаимодействие всех частей (агрегированных или иерархически упорядоченных) не равны целому. Как бы теоретически ни признавали зависимые общества существование более крупного целого (капиталистической мировой системы), для них «ничто в упорядочивании не исключает возможности анализа целого на его элементы, если они определенным образом связаны друг с другом. Части остаются теми же самыми, независимо от их порядка, независимо от их положения в большом целом. То есть мы

⁶¹ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 45.

⁶² Bach, 1980. p. 296.

можем идентифицировать части независимо от их местоположения в организации»⁶³.

Если говорить более прямо, то описание зависимого капитализма, основанное на том, что каждая страна (в данном случае латиноамериканская) является спутником своей неформальной метрополии (Англии в XIX в. и США в XX в.), мягко говоря, не является достаточно целостным. Зависимый капитализм с точки зрения целостности приводит в основном к «ситуации зависимости» каждой страны-спутника по отношению к своей метрополии-гегемону. Иначе говоря, глобальной в этой схеме является только связь с гегемонистским центром, которая быстро распадается теоретически, с одной стороны, на различные национальные ситуации зависимости (как у Кардозу и Фалетто, а также у Бамбирры) или, с другой стороны, на установление предполагаемых «законов» зависимого капитализма в противовес предполагаемым «законам» «классического» капитализма стран центра (как в теоретической схеме Марини). Лишь со второй половины XX в. некоторые теоретики зависимости применительно к транснациональным корпорациям начинают представлять себе мировую капиталистическую систему в транстерриториальном ключе, то есть выходя за рамки сугубо двусторонних взаимодействий между страной-спутником, периферийной или зависимой страной и ее гегемонистским центром.

В заключение следует отметить, что основной целью «Сравнительного исследования национальных обществ», подготовленного для шестого Всемирного социологического конгресса в 1966 г., было теоретическое обоснование того, что транснациональные исследования должны быть прежде всего «сосредоточены на национальных обществах и их модернизации и, следовательно, не должны включать ни сравнение других типов обществ, ни сравнительные исследования элементов, отличных от обществ»⁶⁴. Однако такое разграничение полей или сфер, предложенное Хопкинсом и Валлерстайном, спустя некоторое вре-

⁶³ Ibid., p. 293.

⁶⁴ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 77-78.

мя было подвергнуто критике одним из тех же докладчиков на Всемирном социологическом конгрессе. Роберт Марш указал, что в сравнительной социологии нет ничего особенно отличительного по сравнению с социологией в целом, потому что «многие социологические анализы, неважно многонациональные или нет, делают сравнительные утверждения или универсальные обобщения о „доиндустриальных“ обществах, крестьянских или „феодальных“ обществах или сообществах»⁶⁵. Это замечание само по себе не очень значимо, поскольку если любая отрасль социологии проводит сравнения (в случайном или несистематическом смысле), то рассуждения Хопкинса и Валлерстайна оказываются пустыми. Более того, Марш отвергает эпистемологические соображения, которые обосновывали именно такое разграничение, проведенное в «Сравнительном исследовании национальных обществ».

Марш стоит на гораздо более твердой почве, делая следующие замечания. Во-первых, он подчеркивает презентизм Хопкинса и Валлерстайна в том, что они игнорируют проблему уточнения того, какие общества и когда стали суверенными „национальными государствами“. Для историков это не простой вопрос. Другими словами, каково определение «национального общества», данное Хопкинсом и Валлерстайном, и может ли членство в ООН заменить социологический анализ? Во-вторых, как следствие предыдущего пункта для Марша важно то, что изучение процесса модернизации неизбежно должно явно охватывать и те единицы, которые не являются в должной мере национальными обществами, поскольку «корни модернизации лежат в донациональных обществах»⁶⁶.

Подобные вопросы, как бы они ни были актуальны, выходили за узкие рамки эпистемологической, методологической и теоретической дискуссии Хопкинса и Валлерстайна. Замечания Марша были учтены Валлерстайном как в последующих томах «Современной мировой системы», начиная с 1974 г., так и в разработке Хопкинсом, Валлерстайном (и другими) анализа

⁶⁵ Marsh, 1968. p. 102.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 103.

мировых систем как исследовательской программы с основанием в 1976 г. Центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций.

Из критических замечаний Марша ясно, что Крисостомо Писсарро в своем вступительном «Прологе» к испанскому переводу более чем уверенно подчеркивал, что «Сравнительное изучение национальных обществ» зарождалось, а также неявно указывало на постепенное формирование новой теоретической перспективы для изучения «макросоциальных» процессов, выходящей за рамки теории модернизации. Из того, что уже можно было почерпнуть из текстов, предшествовавших формированию мир-системного анализа, следует, что для разгадки процесса модернизации не имеет смысла ни абстрактно сравнивать национальные общества с донациональными образованиями, ни предлагать генетико-культурные объяснения (которые носят европоцентристский и детерминистский характер). Вместо этого Хопкинс и Валлерстайн стремятся не только объяснить историческое формирование национальных обществ, но и объяснить включение донациональных единиц (будь то в виде бюрократических империй или племен) в глобальную сеть национальных обществ. Хопкинс справедливо разделил теорию модернизации следующим образом: «Возможно ли, что наша озабоченность „модернизацией“, как набором очень общих тенденций, имеет объективный эффект, намеренно или ненамеренно являясь „отвлечением“ от ключевых проблем развития третьего мира?»⁶⁷

Библиография/ Referencies

Cardoso F.H., Faletto E. Dependencia y desarrollo en América Latina. Ensayo de interpretación sociológica. Buenos Aires: Siglo XXI, 2003.

Cardoso F.H. El consumo de la teoría de la dependencia en los Estados Unidos // *El trimestre económico*, Vol. 44, N° 1, 1977. p. 33-52.

⁶⁷ Hopkins, 1969. p. 136.

Cardoso F.H. Las contradicciones del desarrollo asociado // Desarrollo económico, Vol. 14, N° 53, 1974. p. 3-32.

Sunkel O. Capitalismo transnacional y desintegración nacional en América Latina // Estudios Internacionales, Año IV, N° 16, 1971. p. 59.

Bach R.L. On the Holism of a World-Systems Perspective // Processes of the World-System / Terence K. Hopkins e Immanuel Wallerstein (editores). S.l.: Sage Publications, 1980. pp. 289-310.

Marsh R.M. On 'The Comparative Study of National Societies': A Reply to Hopkins and Wallerstein // Social Science Information, Vol. VII, N° 1, 1968. p. 102.

Marini R.M. En torno a Dialéctica de la dependencia(postcriptum) // América Latina, dependencia y globalización. Buenos Aires: Siglo del Hombre Editores/CLACSO, 2008.

Hopkins T.K., Wallerstein I. A Proposal for a Data Bank of African Materials // Social Science Information, Vol. 10, N° 2, 1971. p. 135-147.

Hopkins T.K., Wallerstein I. The Comparative Study of National Societies // Social Science Information, Vol. VI, N° 5, 1967. p. 25-58.

Hopkins T.K., Wallerstein I. El estudio comparado de las sociedades nacionales. Valparaíso: Ediciones Universitarias, 1971.

Hopkins T.K. Third World Modernization in Transnational Perspective // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 386, 1969. p. 126-136.

Bambirra V. El capitalismo dependiente latinoamericano, México: Siglo XXI Editores, 1974.

Bambirra V. Teoría de la dependencia: una anticrítica. México: Ediciones Era, 1978.